

"Расс всегда был таким тихим мальчиком", - подумала Маргарет, заводя свой фитнес-трекер. Он был прилежным и добрым, полная противоположность своей сучке-старшей сестре. Джун ушла из дома два года назад и больше никогда не возвращалась. У них с Марг всегда были несколько натянутые отношения. В любом случае, девочка всегда была ближе к своему отцу. Она любила ходить с ним в поход, даже если просто в лес за домом.

"Это было началом их отчуждения", - подумала Маргарет. В этот момент Марк так же закрылся от Рассела. Он сосредоточил всю любовь и внимание, которые у него еще оставались, на своей дочери. В то же время девочка отстранилась от матери. С тех пор они общались неандертальским ворчанием и жестами, состоящими из одного действия.

Джун сейчас жила где-то в Европе, путешествовала. Она винила COVID в том, что не смогла вернуться к ним домой. Но Маргарет знала, что это всего лишь удобная легенда для прикрытия. Девочка ненавидела ее и ненавидела с самого полового созревания. К сожалению, она никогда не объясняла почему, поэтому Маргарет всегда чувствовала, что это ее вина.

Иногда она задавалась вопросом о причинах их раскола. Конечно, это могло быть простое недопонимание матери и дочери, но они никогда не разговаривали, и поэтому она не могла спросить. Это было ее самое большое сожаление в жизни, если не считать того, что она вышла замуж не за того мужчину. Но если бы она не вышла замуж за Марка, у нее никогда не было бы Рассела, и это было бы колоссальной трагедией.

Рассел всегда был немного "маменькиным сынком", увлеченным кулинарией и выпечкой. Он никогда не проявлял ни малейшего интереса к увлечениям своего отца охотой и рыбной ловлей. Расс и Маргарет сблизилась во время пандемии, когда были заперты вместе. Как бывшая учительница, она могла помочь ему в учебе. Он, в свою очередь, помог ей с технологией, необходимой для продажи недвижимости из дома.

У него было острое чувство юмора, и он стал довольно смелым со своими шутками и намеками. Маргарет это нравилось, потому что большинство ее друзей и коллег, посещающих церковь, были такими ханжами. Это было так освежающе — "флиртовать" с кем-то, кто был на ее волне, и быть немного рискованной. Марк был таким в их юности, его свободный дух и острый ум привлекли ее к нему. Но в двадцать пять лет он достиг среднего возраста, и с тех пор веселье уходило из их жизни.

[09:32 утра, 138 ударов в минуту, 0,8 мили, 18:31 мин/миля, 1121 Ккал]

Маргарет проверила свой прогресс, когда свернула в Деметер-парк. Пэм и Синди помахали ей со своего места у пруда и поспешили ей навстречу. Все трое были одинаковой формы от шеи вниз, что было заметно. Пэм была моложе, тридцати восьми лет, с черной как смоль кожей. Она потратила целое состояние на то, чтобы держать волосы прямыми, и нанесла слишком много косметики", - подумала Маргарет. Но у нее была готовая улыбка и теплый смех, и они были лучшими подругами со времен колледжа.

Синди была рыжеватой блондинкой, ее кудрявые локоны спадали до середины спины. Техники

в Клероле отвечали за цвет этой гривы. Но Маргарет все равно считала, что это выглядит фантастически.

Марг чувствовала, что ее собственные волосы в данный момент были катастрофой. Она всегда так гордилась своими шелковистыми каштаново-каштановыми локонами. Но до того, как была снята последняя изоляция, они стали очень длинными и непослушными. Как только у нее появилась возможность, она сделала короткую стрижку в стиле милой пикси с прожилками и бликами. Но потом всех снова закрыли, и все пошло как-то бессистемно. Теперь были видны ее корни, и неровный разрез заставил ее челку упасть на правый глаз. Чтобы добавить оскорбление к ране, она тоже начала завиваться. Сегодня они были завязаны в пучок, но некоторые из более коротких прядей уже распустились.

Накануне вечером она спросила Рассела, не посмотрит ли он несколько видеороликов на YouTube, чтобы узнать, как их подстричь и оформить. Он смеялся до тех пор, пока не понял, что она говорит серьезно. Он сказал ей, что это выглядит очень красиво — "евро-шик" — так он выразился. Маргарет была слишком напугана, чтобы спросить, что это значит.

- Марк ушел сегодня утром без обычной драмы? - спросила Пэм.

- Нет, конечно, нет, - засмеялась Маргарет. - Он перевернул весь дом в поисках своего бумажника. Оказалось, что он отдал его Рассу, когда послал его заправить грузовик, - сказала Маргарет, присоединяясь к смеху своих друзей. - Иногда я удивляюсь тому, что он вообще может надеть штаны по утрам.

- Как он выбирется из штата, Маргарет? - спросила Синди. - Я думала, что это сейчас запрещено.

- Я полагаю, он будет полагаться на свои привилегии белых, Син, - ответила Маргарет, только наполовину шутя. - По крайней мере, я настояла на том, чтобы ему сделали двойной вакс, так что самое худшее, что они могут с ним сделать? Штраф и пощечина по рукам? В любом случае, несколько ночей в окружной тюрьме не причинили бы ему никакого вреда.

Трое подруг снова рассмеялись и зашагали прочь. "Бродячие воительницы", как называла их Маргарет, громко и гордо.

++++

[10:31 УТРА, 178 ударов в минуту, 5,1 мили, 14:15 минут/миля, 1728 Ккал]

Рассел занимался в своей комнате, когда услышал, как открылась, а затем захлопнулась входная дверь. Но когда его мама не зашла, чтобы сказать, что вернулась, он забеспокоился.

"Это странно, я надеюсь, что с ней все в порядке."

Она, как правило, переусердствовала во время прогулок и часто забывала следить за своим дыханием. "Слишком занята сплетнями с другими мамками", - подумал он. Но если бы ее сердцебиение подскочило, это могло бы повлиять на ее кровяное давление или даже вызвать приступ паники.

Он сбежал вниз по лестнице и обнаружил свою мать, развалившуюся на диване в гостиной. Она была мокрой от пота и тяжело дышала, втягивая воздух огромными, неровными вдохами. Он опустился на колени рядом с ней и взял ее за руку, глядя на ее покрытое пятнами багровое лицо.

- Дыши, мама, - нараспев произнес он, - вдыхай через нос...и выдыхай через рот. Заставь себя, давай. - Он продемонстрировал, чего он от нее хотел. - Давай, мам. Вот так, - продолжил он. Рассел проверила её фитнес-трекер, ее пульс был 175.

После еще нескольких вдохов она начала копировать его. Через минуту ее дыхание замедлилось, а пульс упал ниже 150...140...

- Вот и все, - сказал он, когда глаза Маргарет распахнулись. - Ты заставила меня поволноваться на минутку. Пойдем, пойдем согреемся.

- Нет, Рассел, - причитала она, - я устала. Дай мне полежать здесь, я едва могу двигаться. Я ненавижу этот последний подъем по грунтовой дороге к дому. Я бы хотела, чтобы твой отец заасфальтировал его, как обещал. Мои ноги скользили по земле, как будто я была на пляже. Почему мы должны жить здесь так далеко от цивилизации? Почему мы не можем жить в городе, как нормальные гребаные люди?

Рассела больше не смущало, что его мать время от времени использует нецензурные выражения. Это было абсолютным табу в их доме, когда он рос, но теперь он воспринял это как знак ее доверия. Как и многие люди в наши дни, его отец был помешан на церкви и своей религии. В мыслях он был благочестив и богобоязнен, в то время как на самом деле он был кем угодно, но только не таким.

Расизм, женоненавистничество и гомофобия — вот слова, которыми Рассел описывал своего отца. Марк Армстронг носил свою нетерпимость как знак почета. Если бы он когда-нибудь услышал, как его жена так ругается, Марк вполне мог бы дать ей пощечину или что похуже. Итак, Рассел игнорировал ее маленькие неосторожности и хранил ее секреты. Он был в команде мамы. Он всегда был таким и всегда будет.

- Ты знаешь, что любишь тишину и покой здесь, мама. Ты бы не смогла заниматься йогой голышом на веранде, если бы у нас были соседи, не так ли? Теперь, как я понимаю, ты идешь танцевать сегодня вечером, да? Ты будешь выглядеть еще худшим танцором, чем я, если мы хотя бы не разомнем твои мышцы. Давай, - потребовал ее сын. - Я приготовил для тебя коктейль, - сказал он. - Маракуйя и манго — твой любимый. - Он встал, все еще держа ее за руку, и поднял ее на ноги. Она слегка покачивалась, когда он повел ее к задней двери.

Выйдя на улицу, она заметила, что он разложил ее коврик для йоги на веранде. Он осторожно опустил ее на спину, прежде чем встать над ней, скрестив руки на груди. - Давай, мам, - сказал он, настаивая, чтобы она вытянула затекшие ноги, игнорируя ее протесты.

Она лежала неподвижно, ее внушительная грудь вздымалась. - Я собираюсь сделать это для тебя, можно? - спросил Рассел. Не дожидаясь ответа, он поднял ее ногу и начал подталкивать пальцы ног вверх. Это растянуло ее подколенные сухожилия и ягодицы. Для Маргарет это было нечто среднее между удовольствием и болью.

Она издала громкий, почти сексуальный стон, прежде чем прикрыть рот рукой. Их взгляды встретились, и Расс многозначительно пошевелил бровями. Маргарет рассмеялась и расслабилась, позволив ему унять ее боль. Когда он раздвигал ее ноги и надавливал на бедра и ягодицы, он никогда не был неуместен. Он никогда не смотрел на нее слишком долго, и его руки никогда не задерживались на ее плоти дольше, чем это было необходимо.

Однако о ней нельзя было сказать того же самого. Она позволила своему взгляду переместиться с его сильных, волшебных рук на его широкие плечи. На нем была крошечная рубашка с надписью "избиение жены", которая демонстрировала его выпуклые предплечья и бицепсы. Его мышцы подрагивали, когда он работал, гладкая плоть блестела, когда на коже выступили капельки пота.

Насколько она могла видеть, он был совершенно безволосым. Она вспомнила, как Марк безжалостно дразнил его, когда он достиг половой зрелости. У Рассела начали расти волосы в паху и под мышками. Те, которые его отец называл "птичьими гнездами", и Марк заставлял его показывать их всем и каждому. Как и у большинства растерянных, созревающих подростков, развивающаяся психика Рассела была хрупкой вещью. Он был совершенно не готов справиться с таким вниманием, особенно со стороны родителей.

<http://tl.rulate.ru/book/1898/52981>